ISSN 2311-8733 (Online)
ISSN 2073-1477 (Print)

Народонаселение и демография

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Михаил Николаевич ДУДИН

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории стратегического управления развитием национальной экономики,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
dudinmn@mail.ru

История статьи:
Принята 10.03.2016
Принята в доработанном виде 19.05.2016
Одобрена 16.06.2016

УДК 314.012
JEL: J00, J11, J38, J60

Ключевые слова: демография, Дальний Восток, население, регион, Азия

Аннотация

Предмет. В настоящее время Российская Федерация находится в процессе трансформации своей социально-экономической модели, когда азиатский вектор развития становится альтернативой западноевропейскому. Но учитывая неблагоприятные демографические тенденции в стране, а в особенности в Дальневосточном федеральном округе, этой проблеме следует уделить особое внимание.

Цели. Выявление особенностей демографической ситуации на Дальнем Востоке (в Дальневосточном федеральном округе) для обоснования рекомендаций, направленных на оптимизацию социально-экономических и взаимосвязанных с ними демографических процессов.

Методология. В статье рассмотрена сложившаяся демографическая ситуация на Дальнем Востоке с использованием общих (анализ, синтез, дедукция, индукция) и частных методов (статистический анализ демографической ситуации, экономическая оценка, ретроспективно-перспективные исследования) научного исследования.

Результаты. Определены основные причины и следствия демографической ситуации на Дальнем Востоке, которые необходимо учитывать в разработке региональной социально-экономической политики. Установлено, что демографическая ситуация характеризуется наличием отрицательных тенденций, а основной причиной этого явления является миграция населения, которая в большей степени дестабилизирует ситуацию в регионе, нежели отрицательный демографический прирост.

Выводы. Оптимизация демографических процессов на Дальнем Востоке (в Дальневосточном федеральном округе) в настоящее время возможна при условии выработки стратегической канвы развития региона с учетом его роли в государственном и мировом устройстве, при этом ресурсный фактор социально-экономического развития региона не должен быть определяющим в этом вопросе.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Дальний Восток является самым крупным регионом Российской Федерации, характеризуется значительными запасами полезных ископаемых и биологических ресурсов, которые обеспечивают потребности страны в олове, драгоценных камнях и металлах, морепродуктах и др. (рис. 1).

Дальневосточный федеральный округ можно рассматривать как одну из главнейших ресурсных баз Российской Федерации [2]. Кроме того, Дальний Восток также можно признать «рекордсменом» по ряду прочих абсолютных величин, определяющих его геоэкономическое положение. В частности, здесь самая большая протяженность береговой линии. Площадь региона составляет порядка 1/3 от территории всей страны. Так, например, Республика Саха (Якутия), которая входит в состав Дальневосточного федерального округа, является самой крупной административно-территориальной единицей в мире [2]. Но необходимо отметить, что Якутия одновременно и «анти-рекордсмен» по относительным показателям убывания населения в постсоветский период. Плотность населения в Дальневосточном федеральном округе самая низкая относительно других регионов Российской Федерации (1 чел./км^2), что связано в первую очередь с географическими и климатическими особенностями этой территории.

Дальневосточный регион включает Республику Саха (Якутия), Амурскую, Магаданскую и Сахалинскую области, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Чукотский автономный округ и Еврейскую автономную область.

Максимальная численность населения Дальнего Востока была достигнута в 1991 г. и составляла 8,1 млн чел. За постсоветский период численность сократилась практически на 2 млн чел. [3]. В процентном соотношении – это самое большое сокращение населения среди федеральных

регионов Российской Федерации. В настоящее время численность населения регионов Дальнего Востока является достаточно дифференцированной: наиболее населенными считаются Приморский и Хабаровский края, а также Республика Саха (Якутия) (рис. 2).

К наименее населенным относятся Чукотский автономный округ, Магаданская область и Еврейская автономная область. Самым населенным регионом является Приморский край (практически 2 млн чел. по состоянию на 2015 г.), который расположен в наиболее приемлемых для жизни геоклиматических условиях по сравнению с другими регионами Дальнего Востока. Однако и в Приморском крае наблюдается сокращение населения. В целом численность населения Дальневосточного федерального округа с 2013 по 2015 г. включительно сократилась менее чем на 1%. Такая демографическая стабильность свидетельствует об отсутствии нормальной положительной динамики в социально-экономических процессах.

Если рассматривать структуру городского и сельского населения Дальневосточного федерального округа, то можно отметить, что превалирует городское население (средняя величина удельного веса городского населения составляет порядка 74%, что в целом соответствует общему федеральному показателю) (рис. 3).

Однако еще в середине XIX в. Дальний Восток по показателям доли городского населения был на последнем месте, а доля сельского населения на тот момент составляла 99%. Самый высокий показатель доли городского населения (более 90%) в Магаданской области, самый низкий показатель (от 65 до 70%) – в Якутии, Амурской области, Еврейской автономной области и в Чукотском автономном округе.

Если принять за основу климатическую концепцию, то есть лучшие климатические условия обеспечивают прирост доли сельского населения), то здесь можно отметить геоэкономическую аномалию: в Чукотском автономном округе удельный вес сельского населения весьма высок. При этом данный автономный округ по физико-географическим условиям (район вечной мерзлоты, где длительность зимнего периода составляет до 10 месяцев в году) ведения сельского хозяйства является малорентабельным. Отдельные исследователи относят Чукотский автономный округ к экстремальным территориям, не пригодным и бесперспективным для увеличения населения в обозримом будущем [4–5].

Основная причина высокого удельного веса сельского населения в Чукотском автономном округе не связана с физико-географическими и климатическими условиями местности и специализации региона. Она связана со сложившимися административными подходами к классификации населенных пунктов в зависимости от численности населения. Иными словами, поселения Чукотского автономного округа, которые характеризуются малой численностью населения, классифицируют как сельские, хотя в действительности эти поселения таковыми не являются. Кроме того, стоит учитывать, что население Чукотского автономного округа за период с начала 1990-х гг. по 2015 г. включительно снизилось практически в 3 раза, и основной отток из региона приходился на городское население. Именно поэтому в Чукотском автономном округе (при полном отсутствии условий для ведения сельского хозяйства) аномально высокий удельный вес сельского населения.

Кроме того, среди населения Дальневосточного федерального округа прослеживается тенденция старения: в среднем по округу порядка 46% от общей численности населения находится за границей трудоспособного возраста (рис. 4).

На Дальнем Востоке старшее население составляет более 50%, а доля населения моложе трудоспособного возраста по всем субъектам региона колеблется в приделах от 35 до 40%, что создает значительную нагрузку для оставшейся доли трудоспособного населения. Такое положение может быть результатом выезда наиболее трудоспособного населения, а аномально высокая доля жителей моложе трудоспособного возраста сформирована за счет бума рождаемости, который последовал после введения государственных программ, направленных на увеличение численности населения.

Если рассматривать статистические демографические показатели, то можно отметить, что естественный прирост населения в Дальневосточном федеральном округе в период с 2012 по 2014 г. является положительным (увеличился с 0,9 до 1,4‰). Самый высокий показатель рождаемости наблюдается в Якутии (17,8 чел. на 1 000 жителей). В данном регионе отмечается и самый низкий показатель смертности, который составлял 9,3–8,6 на 1 000 жителей (в период 2012–2014 гг. было снижение данного показателя), и как

результат – самый высокий показатель естественного прироста населения (9,2 чел. на 1 000 жителей за 2014 г.). Вторым регионом по показателям естественного прироста населения является Чукотский автономный округ (2,8 чел. на 1 000 жителей). Эти данные контрастируют с данными о снижении численности населения в автономном округе за последние 25 лет (табл. 1).

Отрицательный показатель естественного прироста населения наблюдается в Приморском крае и Еврейской автономной области. Во всех остальных регионах Дальнего Востока – практически нулевой показатель природного роста.

В целом по Дальневосточному федеральному округу общий показатель миграционного прироста всегда отрицательный. Это указывает на то, что количество выбывших жителей региона превышает численность прибывших. Наименьший показатель миграционного прироста был в 2015 г. в Чукотском автономном округе (–154 чел.), наибольший показатель – в Республике Саха (Якутия) и составлял –6 708 чел. Стоит отметить, что отрицательное значение показателя миграционного прироста в Республике Саха (Якутия) является наибольшим среди всех субъектов Дальневосточного федерального округа, его величина понижалась по сравнению с 2012 г. (–8 359 чел.) и 2013 г. (–9 130 чел.). Самое большое сокращение значения отрицательного миграционного прироста наблюдалось в Амурской области (с –5 769 чел. в 2013 г. до –1 265 чел. в 2014 г.).

Дальний Восток России непосредственно граничит с Китаем, КНДР, Японией и США (водная граница). При учете 200-мильной морской зоны регион занимает 1,5 млн км^2 морской и океанической акватории. Таким образом, можно интерпретировать роль дальневосточного региона как «мембраны» между Российской Федерацией в целом и Азиатско-Тихоокеанским регионом [6].

Но при этом стоит также учитывать, что общая граница с КНДР создает больше вызовов, чем возможностей, в силу регулярного проведения там ядерных испытаний и общей напряженной ситуации на Корейском полуострове. Наличие общей границы с Китаем можно рассматривать как ресурс и как фактор общего взаимовыгодного развития. В последнее десятилетие наша страна прилагает значительные усилия для создания крупных сырьевых проектов, которые бы в свою очередь дали возможность для развития Дальнего Востока не только как самостоятельного субъекта, но и как региона, непосредственно связанного границами со странами Восточной Азии [7].

Кроме этого, стоит отметить, что Дальний Восток Российской Федерации и северо-восточные провинции КНР (китайская Маньчжурия) создают «puzzle-эффект» [8], который выражается в том, что Дальневосточный федеральный округ имеет дефицит населения (данный аспект был подмечен еще в XIX в., когда власть Российской империи по сути поощряла переселение китайцев и корейцев на Дальний Восток в силу нехватки рабочих рук) [9]. С другой стороны, приграничные регионы Китая имеют избыток трудовых ресурсов (демографический дисбаланс) [10] и значительные возможности для инвестирования, основанные на впечатляющем росте экономики за последние 30 лет. К настоящему времени Дальний Восток Российской Федерации и Северо-Восточный Китай создали единую большую экономическую систему, которая начала активно формироваться в 2000-х гг. [11].

Общая морская граница с Японией является возможностью для активного сотрудничества, что улучшает условия экономического климата в Дальневосточном федеральном округе и тем самым может оказывать положительное влияние на демографические процессы. Среди негативных факторов соседства стоит выделить отсутствие решения проблемы территориальных споров (претензии Японии на Курильские острова и отсутствие мирного договора после окончания Второй мировой войны).

Общая граница с КНДР протяженностью 39 км практически полностью проходит по фарватеру р. Туманная и является достаточно защищенной в силу закрытости Северной Кореи, а сама логика определения границы со второй половины XIX в. была продиктована политикой изоляции Китая от Японского моря.

Наличие общей морской границы с США по Берингову проливу (ширина пролива 86 км) теоретически имеет потенциал развития двусторонних российско-американских взаимовыгодных отношений [12, 13]. Это может положительно повлиять на демографические процессы на Дальнем Востоке, особенно перспективным может быть строительство тоннеля через Берингов пролив.

Но здесь стоит учитывать, что территория Российской Федерации по морю граничит с эксклавом США – Аляской, так что окупаемость и целесообразность создания такого тоннеля и развитие глубоких интеграционных связей на региональном уровне может быть отложено на долгосрочную перспективу.

Также стоит учитывать, что Дальневосточный федеральный округ для Российской Федерации играет роль «территории доступа» к Тихому океану, где кроме взаимодействия с США и Канадой, а также со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, возможно в перспективе выстраивание взаимовыгодных отношений со странами Океании и Австралии[14–16].

Однако существует определенный ряд опасений относительно интеграционных устремлений России (Дальнего Востока) в Азиатско-Тихоокеанский регион. Есть достаточно весомые аргументы, касающиеся определенных иллюзий по интеграционному потенциалу Северо-Восточной Азии:

- во-первых, можно отметить непоследовательную политику государства в области развития Дальнего Востока (данная тенденция сохраняется с XIX в.) [17, 18]. При этом имеется ввиду не отсутствие единой программы его развития, которая бы охватывала десятилетия и не зависела бы от политической конъюнктуры, а отсутствие единого стратегического понимания с политической, социальной и экономической точек зрения роли и места региона в общегосударственном и общемировом устройстве;
- во-вторых, Дальневосточный федеральный округ не имеет единой интеграционной площадки взаимодействия в отличие от множества других регионов (например, страны Юго-Восточной Азии интегрированы в рамках ASEAN, страны Западной Европы в рамках EU, страны Северной Америки в рамках NAFTA и т.п.);
- в-третьих, на стыке территорий дальневосточных государств располагаются наименее развитые регионы. Так, например, северо-восточные провинции Китая отстают по показателям социально-экономического развития от тихоокеанских провинций, о. Хоккайдо также не является лидером статистики по социально-экономическим показателям в Японии [19]. Корейскую Народно-Демократическую Республику, которая расположена практически в центре Северо-Восточной Азии, сложно назвать ядром региональной интеграции, так как она является одной из наиболее закрытых стран, специфика протекания внутренних процессов в которой характеризуется повышенными рисками для всего населения мира [20]. Поэтому и Дальневосточный федеральный округ не характеризуется достаточным социально-экономическим и демографическим потенциалом.

Таким образом, Дальний Восток обеспечивает геостратегические интересы развития Российской Федерации не только ресурсного, но и военно-политического характера, что укрепляет позиции государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако низкий демографический и социально-экономический потенциалы Дальнего Востока не позволяют Российской Федерации закрепить за собой лидерство. Поэтому целесообразно развивать интеграционные связи с прилежащими территориями за счет реализации инфраструктурных проектов, организовать совместные производственные мощности, активизировать технологический трансферт. Это позволит привлечь в регион инвестиции из соседних стран, обеспечить приток трудовых ресурсов, создать оптимальные стимулы для закрепления коренного населения на территории Дальневосточного федерального округа, а также стимулировать перетекание населения страны из наиболее плотно заселенных районов на Дальний Восток.

Таблица 1

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения Дальневосточного федерального округа за 2012–2014 гг.

Table 1

Birth, death, and natural population growth rates in the Far Eastern Federal District for 2012–2014

Год	На 1 000 чел. населения		Естественный прирост
	родившихся	умерших	
Дальневосточный федеральный округ			
2012	87 370	81 823	5 547
2013	86 879	78 693	8 186
2014	87 305	78 172	9 133
Республика Саха (Якутия)			
2012	16 998	8 918	8 080
2013	16 704	8 351	8 353
2014	17 010	8 209	8 801
Камчатский край			
2012	4 182	3 731	451
2013	4 160	3 642	518
2014	4 206	3 679	527
Приморский край			
2012	24 627	26 743	–2 116
2013	24 614	26 222	–1 608
Магаданская область			
2012	1 929	1 950	–21
2013	1 905	1 808	97
2014	1 817	1 781	36
Сахалинская область			
2012	6 274	6 858	–584
2013	6 354	6 440	–86
2014	6 657	6 382	275
Еврейская автономная область			
2012	2 449	2 642	–193
2013	2 351	2 505	–154
2014	2 359	2 536	–177
Чукотский автономный округ			
2012	711	580	131
2013	662	533	129
2014	690	551	139

Источник: данные Росстата

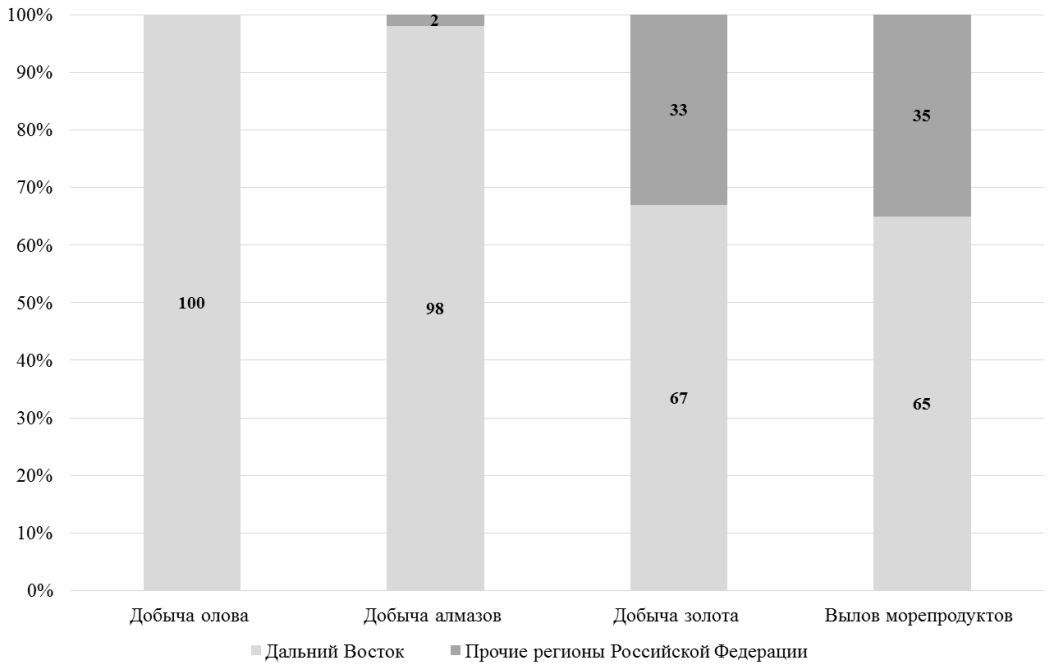
Source: Rosstat

Рисунок 1

Ресурсные показатели развития Дальневосточного федерального округа

Figure 1

Resource development indicators of the Far Eastern Federal District



Источник: [1]

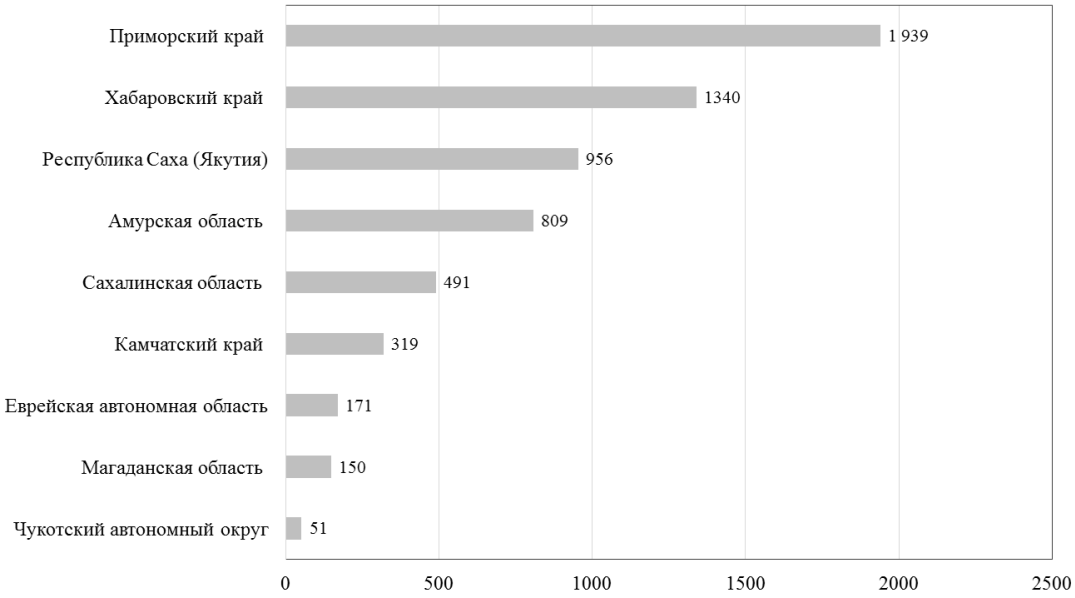
Source: [1]

Рисунок 2

Средняя численность населения Дальневосточного федерального округа по субъектам за период с 2013 по 2015 г., тыс. чел.

Figure 2

The average population of the Far Eastern Federal District by subject for 2013–2015, thousand people



Источник: данные Росстата

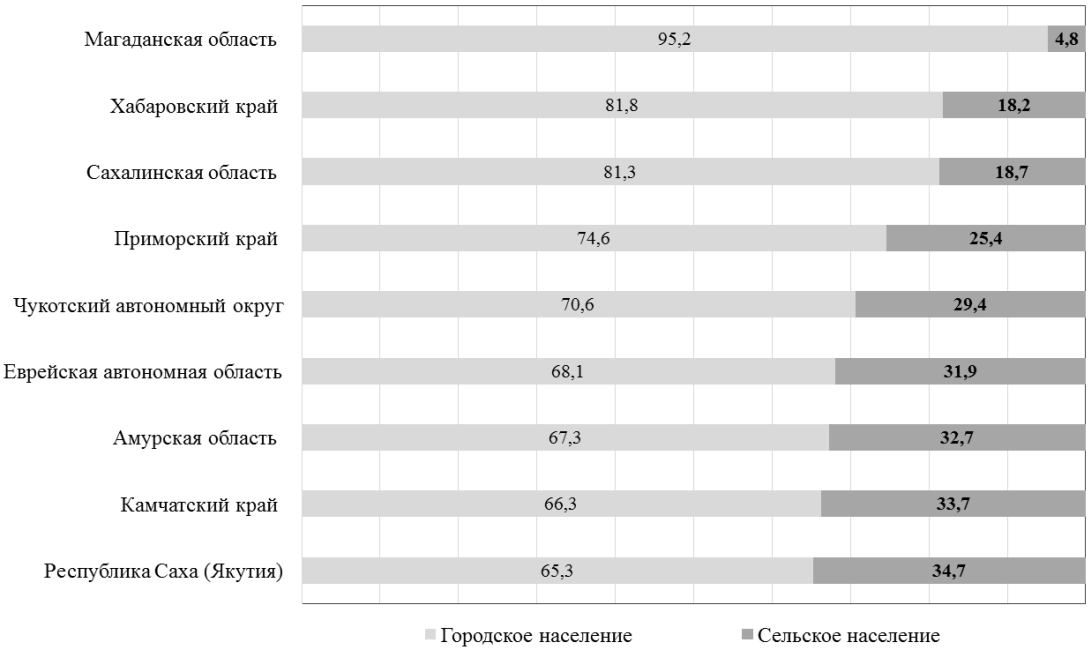
Source: Rosstat

Рисунок 3

Структура населения регионов Дальневосточного федерального округа за 2015 г., %

Figure 3

The population structure of the Far Eastern Federal District regions for 2015, %



Источник: данные Росстата

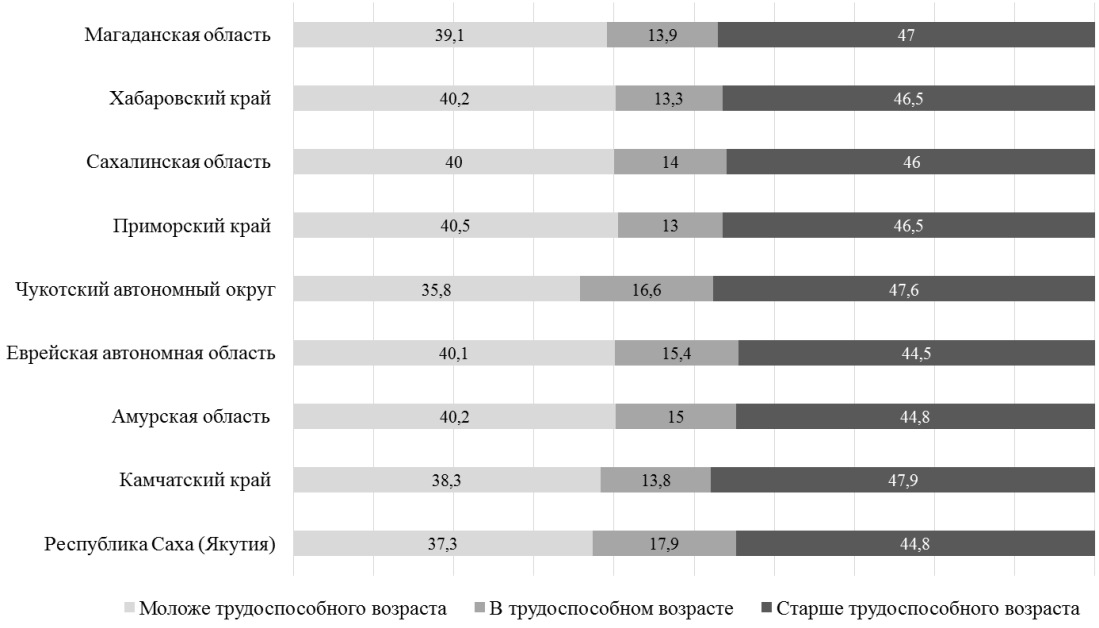
Source: Rosstat

Рисунок 4

Распределение численности населения по полу и основным возрастным группам в регионах Дальневосточного федерального округа в 2015 г., %

Figure 4

Population distribution by sex and main age group in the Far Eastern Federal District regions in 2015, %



Источник: данные Росстата

Source: Rosstat

Список литературы

1. *Чиркин А.Б.* Экономическое значение российского Дальнего Востока для безопасности РФ // Российский внешнеэкономический вестник. 2005. № 7. С. 66–72.

2. *Троянова Е.Н.* Проблемы и перспективы социально-экономического развития Дальнего Востока // ИНТЕРЭКСПО Гео-Сибирь. 2013. № 1. С. 23–26.

3. *Чечевишников А.Л.* Восточный вектор российской политики и перспективы развития Дальнего Востока и Сибири // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 36–37. С. 51–75.

4. *Барбенко Я.А.* Научно-практическая конференция «Проблемы развития демографической ситуации и систем расселения на Дальнем Востоке» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 2. С. 139–142.

5. *Галецкий В.Ф.* Дальний Восток: поиск стратегии демографического развития // Проблемы прогнозирования. 2006. № 6. С. 132–143.

6. *Мищук С.Н.* Ретроспективный анализ миграционных процессов в Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 74–81.

7. *Журавлева Т.Б., Голиков С.Ю.* Развитие Приморского края в условиях активизации взаимоотношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // Экономика и предпринимательство. 2015. № 3. С. 213–217.

8. *Хавинсон М.Ю.* Регулирование демографической ситуации в регионе: социально-экономический аспект // Региональные проблемы. 2014. Т. 17. № 2. С. 89–92.

9. *Щербаков А.А.* Дальний Восток – опора инновационного развития в Азиатско-тихоокеанском регионе // Актуальные вопросы экономических наук. 2011. № 22-1. С. 209–215.

10. *Будилов К.Л.* Особенности развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Вестник экономической интеграции. 2010. № 11. С. 110–115.

11. *Dehghani Firouzabadi M.H.* Policy Uncertainty and Technology Adoption. *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy*, 2014, vol, 14, iss. 4, pp. 1405–1430.

12. *Centeno M.A., Nag M., Patterson T.S., Shaver A., Windawi A.J.* The Emergence of Global Systemic Risk. *Annual Review of Sociology*, 2015, vol. 41, pp. 65–85. doi: 10.1146/annurev-soc-073014-112317

13. *Parmar I.* The "Big 3" Foundations and American Global Power. *American Journal of Economics and Sociology*, 2015, vol. 74, iss. 4, pp. 676–703. doi: 10.1111/ajes.12115

14. *Рыбаковский Л.Л.* Демографическое будущее России в экстраполяционных и нормативных координатах // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 21–30.

15. *Заусаев В.К., Кручак Н.А.* Территории опережающего развития и демографические процессы // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2015. № 1. С. 23–32.

16. *Хусаинов Б.Д., Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В.* Современные интеграционные образования: компаративный анализ факторов экономического роста // Экономика региона. 2015. № 1. С. 156–169.

17. *Калачикова О.Н., Шабунова А.А.* Демографическая политика России: региональный аспект // Экономика региона. 2012. № 3. С. 77–89.

18. *Габдрахманова Г., Макарова Г.* Опыт исследований и регулирования этносоциальных процессов в регионах России // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 163–165.

19. *Unel B.* Human Capital Formation and International Trade. *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy*, 2014, vol. 15, iss. 3, pp. 1067–1092. doi: 10.1515/bejeap-2014-0041

20. *Jayachandran C.* The Roots of Gender Inequality in Developing Countries. *Annual Review of Economic*s, 2015, vol. 7, pp. 63–88. doi: 10.1146/annurev-economics-080614-115404

ISSN 2311-8733 (Online)
ISSN 2073-1477 (Print)

Population and Demography

THE SOCIO-DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE RUSSIAN FAR EAST REGIONS: MODERN ASPECTS

Mikhail N. DUDIN

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
dudinmn@mail.ru

Article history:
Received 10 March 2016
Received in revised form
19 May 2016
Accepted 16 June 2016

JEL classification: J00, J11, J38, J60

Keywords: demography, Asia, population, region, Far East

Abstract

Importance The article deals with the problem of transforming the socio-economic model of Russia as the Asia-oriented vector of development becomes an alternative to the Western Europe-oriented one, given the adverse demographic trends in the country, especially in the Far Eastern Federal District.

Objectives The article aims to identify features of the demographic situation in the Far East of Russia, namely the Far Eastern Federal District, to justify recommendations aimed at optimizing the socio-economic and demographic processes interrelated.

Methods For the study, I used common and private methods of research, such as analysis, synthesis, deduction, induction, statistical analysis of the demographic situation, economic evaluation, retrospective and prospective studies.

Results The article identifies the main causes and consequences of the demographic situation in the Far East of Russia, which must be taken into account in the formulation of regional socio-economic policies. I found that the demographic situation is characterized by negative trends, and the main cause of this phenomenon is the migration of the population that is increasingly destabilizing the situation in the region than negative population growth.

Conclusions Now, it is possible to optimize the demographic processes in the Far East of Russia through elaborating a strategic development outline, taking into account the region's role in the national and world order, while the resource factor of socio-economic development of the region should not be the determining one in this respect.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

References

1. Chirkin A.B. [The economic importance of the Russian Far East to Russia's security]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*, 2005, no. 7, pp. 66–72. (In Russ.)
2. Troyanova E.N. [Problems and prospects of socio-economic development of the Far East]. *INTEREKSPO Geo-Sibir' = INTEREKSPO Geo-Siberia*, 2013, no. 1, pp. 23–26. (In Russ.)
3. Chechevishnikov A.L. [The Russian policy eastern vector and the prospects of development of the Russian Far East and Siberia]. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*, 2014, vol. 12, no. 36–37, pp. 51–75. (In Russ.)
4. Barbenko Ya.A. [Science and Practical Conference: Problems of Development of Demographic Situation and Population Settlement Patterns in the Far East]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya = Ojkumena. Regional Researches*, 2009, no. 2, pp. 139–142. (In Russ.)
5. Galetskii V.F. [The Far East: search for strategies for demographic development]. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*, 2006, no. 6, pp. 132–143. (In Russ.)
6. Mishchuk S.N. [A retrospective analysis of migration processes in the Jewish Autonomous Oblast]. *Regional'nye problemy = Regional Problems*, 2015, vol. 18, no. 3, pp. 74–81. (In Russ.)
7. Zhuravleva T.B., Golikov C.Yu. [Development of the Primorsky Krai under intensification of relations with countries in the Asia-Pacific region]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economy and Entrepreneurship*, 2015, no. 3, pp. 213–217. (In Russ.)
8. Khavinson M.Yu. [Control of the demographic situation in the region: a socioeconomic aspect]. *Regional'nye problemy = Regional Problems*, 2014, vol. 17, no. 2, pp. 89–92. (In Russ.)
9. Shcherbakov A.A. [The Far East is the reliance of innovative development in the Asia-Pacific region]. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk = Current Issues in Economics*, 2011, no. 22-1, pp. 209–215. (In Russ.)

10. Budilov K.L. [Features of the development of the Asia-Pacific region]. *Vestnik ekonomicheskoi integratsii = Bulletin of Economic Integration*, 2010, no. 11, pp. 110–115. (In Russ.)

11. Dehghani Firouzabadi M.H. Policy Uncertainty and Technology Adoption. *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy*, 2014, vol. 14, iss. 4, pp. 1405–1430.

12. *Centeno M.A., Nag M., Patterson T.S., Shaver A., Windawi A.J.* The Emergence of Global Systemic Risk. *Annual Review of Sociology*, 2015, vol. 41, pp. 65–85. doi: 10.1146/annurev-soc-073014-112317

13. Parmar I. The "Big 3" Foundations and American Global Power. *American Journal of Economics and Sociology*, 2015, vol. 74, iss. 4, pp. 676–703. doi: 10.1111/ajes.12115

14. Rybakovskii L.L. [The demographic future of Russia in extrapolation and normative coordinates]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2014, no. 12, pp. 21–30. (In Russ.)

15. Zausaev V.K., Kruchak N.A. [Territory of advanced development and the demographic processes]. *Aziatsko-tikhookeanskii region: Ekonomika, politika, pravo = Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2015, no. 1, pp. 23–32. (In Russ.)

16. Khusainov B.D., Shelomentsev A.G., Doroshenko S.V. [Modern integration units: A comparative analysis of the growth factors]. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, 2015, no. 1, pp. 156–169. (In Russ.)

17. Kalachikova O.N., Shabunova A.A. [The demographic policy of Russia: a regional perspective]. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, 2012, no. 3, pp. 77–89. (In Russ.)

18. Gabdrakhmanova G., Makarova G. [Practice of research and management of ethno-social processes in the regions of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2015, no. 7, pp. 163–165. (In Russ.)

19. Unel B. Human Capital Formation and International Trade. *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy*, 2014, vol. 15, iss. 3, pp. 1067–1092. doi: 10.1515/bejeap-2014-0041

20. Jayachandran C. The Roots of Gender Inequality in Developing Countries. *Annual Review of Economic*s, 2015, vol. 7, pp. 63–88. doi: 10.1146/annurev-economics-080614-115404